

//Северный рабочий. – 2010. – 28 февр.

<http://2008.nworker.ru/2010/02/28/duxovnyj-kostyor.html>

Духовный костёр

К 90-летию знаменитого писателя-земляка Фёдора Абрамова

Наверное, не очень-то скромно для автора газетного материала употреблять выражения типа «Мой Пушкин», «Мой Чехов» или в данном случае «Мой Абрамов». Но мы, северяне, много пережившие и передумавшие о проблемах современности вместе с Федором Александровичем (а часто благодаря ему), вправе заявить о влиянии Абрамова как факте наших личных биографий.

Народный корень

Автор этих строк, например, самолично убедился в народности произведений писателя. В начале 70-х я, будучи журналистом (и следовательно, отчасти филологом), студентом-заочником МГУ, о писателе Абрамове знал, но ни строчки его не прочел. И вот однажды, в командировке ночуя в красноборской гостинице, выслушал взволнованный монолог о книгах Абрамова от соседа по номеру. Водитель из Северодвинска, доставивший какие-то грузы для базы отдыха предприятия «Звездочка», заверил, что если я открою роман «Две зимы и три лета», то не в силах буду от него оторваться. На деле именно так и получилось. Хоть Михаил Пряслин с Егоршей сплывали ранней весной плот с сеном (с этого эпизода начинается книга) за четыре года до моего появления на свет, но реалии деревенской жизни и память о первых послевоенных годах были для нас совершенно живыми.

В канун 90-летия Федора Александровича Абрамова (в календарях 2010-го эта дата отнесена на 28 февраля, хотя в действительности он родился в Касьянов день високосного 1920 года — 29 февраля) самый, наверное, дорогой подарок землякам и почитателям творчества писателя преподнесло архангельское издательство «Правда Севера». Вышла в свет «Чистая книга» Федора Абрамова. О том, что писатель работал над произведением, которое считал самым главным в своем творчестве, пресса, помнится, сообщала в начале 80-х. Но, оказывается, замысел романа родился еще в 1958 году, в 60-е был начат сбор материала, что вылилось в сотни и тысячи разложенных в папки документов, воспоминаний, заметок и набросков.

Поначалу Абрамов хотел создать книгу о гражданской войне на родной Пинеге. С годами замысел разрастался, возник план эпопеи в трех или четырех томах, охватывающей события от революции 1905 года до репрессий 1937-го. Книга должна была носить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о смысле и назначении жизни русского человека.

Но по-настоящему писатель взялся за эпопею только в начале 80-х, незадолго до своей кончины. В то время я учился в Ленинградской высшей партийной школе и помню, как к моей однокурснице Надежде Постниковой приехала ее двоюродная сестра — председатель Каргопольского райисполкома Мария Николаевна Кадашова. Они, как и Федор Абрамов, родились в пинежском селе Веркола, были вхожи и в его деревенский дом, и в ленинградскую квартиру в элитном доме на Петроградской стороне напротив стоянки крейсера «Аврора», и на дачу на Карельском перешейке. Если не ошибаюсь, по этому последнему адресу землячки навещали Федора Абрамова в холодные апрельские дни 1983-го. Писатель рассказывал им о напряженной работе над «Чистой книгой» (в его архивах осталось немало тому подтверждений). А в мае Федора Александровича не стало.

Мы с однокурсницей ходили на прощание с ним в ленинградском Доме писателя, откуда тело покойного увезли в аэропорт, а оттуда на Пинегу. Так уж получилось, что живым Федора Александровича мне довелось увидеть лишь однажды. И тоже в Ленинграде, где в гигантском Дворце культуры имени А.М. Горького у Нарвских ворот проходили гастроли Архангельского драматического театра. Гвоздем гастрольного тура были спектакли по абрамовскому циклу романов о Пряслиных. И главный режиссер Эдуард Симонян вызвал автора книг на сцену...

Конечно, за 26 лет после смерти Абрамова «Чистая книга» уже издавалась, но как-то не удавалось ее приобрести. И вот новое издание у меня в руках.

Махонька и другие

Открываю его и погружаюсь, как когда-то в «Две зимы», с головой и не могу оторваться. В крестьянскую семью Порохиных приходит Махонька — знаменитая сказительница Марья Дмитриевна Кривополенова. Пинежская побирושка, она хранила в памяти неисчислимы богатства русского народного фольклора. При Советской власти Кривополенову возили в Москву, записывали напетые ею былины и сказания, ей была

назначена государственная пенсия как выдающемуся деятелю культуры («Хоть слово «культура» было Махоньке и неведомо», — замечает Абрамов). Марья Кривополенова должна была стать одним из центральных персонажей романа, его глубоким нравственным стержнем. Развернутая сцена гостевания Махоньки в доме Порохиных — одна из немногих завершенных в «Чистой книге». Можно только поразиться, с каким мастерством Абрамов рисует ее поступки и воспроизводит речь сказительницы. Помнится, в прежних произведениях писателя порой резали слух выражения с оттенком литературного штампа...

Правда, бьющая в сердце

Но в «Чистой книге» перед нами предстает другой Абрамов. Он получил всесоюзное признание, тетралогия о Пряслиных удостоена Государственной премии СССР. Успешно для писателя отбита атака функционеров на его резко критическую и проблемную статью 1979 года «Чем живем-кормимся», которую вслед за «Пинежской правдой» опубликовала «Правда» центральная. Помнится, сходная по проблематике повесть Абрамова «Вокруг да около» 1963 года была отмечена в прессе Архангельской области газетными полосами из инициированных властью «писем трудящихся» под заголовками типа «Не туда зовешь нас, земляк». (А если продолжить о личном, то не могу не вспомнить, что эти два публицистических труда Федора Александровича отозвались в моей жизни. После выхода статьи «Чем живем-кормимся» мне в Архангельском телерадиокомитете поступило предложение взять командировку на Пинегу и подготовить материал о бурном развитии здешних совхозов. Я отказался, начальство не настаивало. А повесть «Вокруг да около», вернее созданный относительно ее истории появления на свет документальный фильм Александра Лыскова и Клавдии Хорошавиной из цикла «Литературный театр документа», в перестроечном 86-м оказалась в центре событий на Архангельском телевидении. Прекрасным летним днем иду я мимо «дома с оленем» и встречаю главного цензора области. Он потряс передо мной папкой, которую держал в руках: «Вот несущи ваш «Литературный театр» в обком партии. Посмотрим, что там скажут». Тогда цензура еще могла задробить острую телепередачу. Да и обком не спешил поддержать телевизионщиков. Лишь с возвращением из командировки в воюющий Афганистан секретаря по идеологии Юрия Николаевича Сапожникова добро на эфир было получено).

Чистая цель — чистые средства

Но вернемся к «Чистой книге». Не только в отношении литературного языка она обещала быть главным достижением Абрамова. Судя по наброскам, над ним в отличие от других произведений не довели никакие идеологические или исторические догмы. Он ставил самые острые вопросы русской и советской истории и искал на них ответы. «Народ и интеллигенция на Севере — духовные костры. Настало время, когда Россия и русский человек нуждаются в осмыслении нашего исторического опыта», — говорил Федор Александрович на встрече с музейными работниками Соловков. В незаконченном романе были выделены все социальные слои русского общества, персонифицированы главные направления идейных исканий первой трети XX века. Убежденный коммунист, фронтовик Великой Отечественной, сотрудник легендарного «Смерша» (последнее обстоятельство Абрамову до сих пор не простили представители правящих ныне бал литературных течений), он остро ставил проклятые вопросы времени даже в своих тезисах. «Самодержавие в пролетарских одеждах» — вот оценка сталинизма. Весьма критично оценивал Абрамов марксизм: мол, Карл Маркс дал стройную систему жизнеустройства, но из нее выпал человек. И в то же время, обосновывая логику политических действий, приводит цитаты из Маркса: «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель».

Особо следует сказать о названии последнего произведения писателя. Легенда о Чистой книге восходит к биографии протопопа Аввакума. Незадолго до смерти Абрамов побывал на месте сожжения знаменитого вождя русского раскола в Пустозерске неподалеку от Нарьян-Мара. И он писал: «В русском народе живет предание о Чистой книге, написанной Аввакумом незадолго до казни. Чистая книга писана в кромешной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что писана святым человеком. Человек, сподобившийся прочесть эту книгу, прозревает на всю жизнь. Он постигает всю правду жизни и знает отныне, как жить, что делать. Но Чистая книга дается только чистому человеку. И до нее надо дорасти. Отсюда — принцип личного самосовершенствования».

Как писатель и мыслитель Федор Александрович, конечно же, опережал читательскую массу. Но и он прошел ступени самосовершенствования, о чем зримо свидетельствуют его книги. И хотя последнюю и самую главную из них он не сумел завершить, «Чистая книга» даже и в неотделанном виде, в заметках и набросках, представляет собой цельное произведение.

Хранительница

В заключение несколько слов о человеке, благодаря которому сохранена для читателей «Чистая книга». Это вдова писателя Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова. Она ровесница Федора Александровича, так же,

как и он, ученый-филолог, ее считают крупнейшим специалистом по творчеству Бунина. В столь преклонные годы она не забывает Верколу, разве что несколько последних лет уже не хватает здоровья для таких дальних поездок.

А мне довелось встречаться и разговаривать с ней именно в Верколе, в деревянном доме, который Федор Александрович выстроил на высоком угоре с видом на раздолье Пинеги и многократно воспетые им «сахарные» строения монастыря праведного Артемия Веркольского. Правда, уже три года стоял скромный крест на могиле похороненного возле дома писателя. Тогда, в 86-м, в Архангельск впервые прибыл тележурналист из США Дмитрий Девяткин (он утверждал, что отец его родом с Пинеги). Визиту уделялось столь большое внимание, что первый секретарь обкома КПСС Петр Максимович Телепнев распорядился выделить самолет Девяткину и мне, сопровождавшему его от телерадиокомитета. Мы объехали главные достопримечательности Пинежья, не миновали и Верколу. Видно было, что Людмила Владимировна буквально живет творчеством Абрамова и памятью о нем. Она задавала американскому гостю немало вопросов о том, насколько реальна возможность ознакомления с творчеством Федора Абрамова читателей из США. Не помню толком, что отвечал американец. В конце концов заокеанские жители проживут и без абрамовской правды, а вот нам, русским людям, без нее никуда.